

М. А. Розов
Рассуждения об интеллигентности,
или пророчество Бам-Грана

М. А. Розов

**РАССУЖДЕНИЯ ОБ ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ,
ИЛИ ПРОРОЧЕСТВО БАМ-ГРАНА**

Вестник высшей школы 1989. № 6. С. 12–19

Начнем с пророчества

В промерзший, голодающий Петроград первых лет революции приезжает испанская делегация с богатыми дарами... Таков один из эпизодов рассказа А. Грина «Фанданго», выдержанного в обычной для Грина символической манере. Что же предлагают испанцы этим людям, уставшим от бесконечных очередей, отсутствия дров и элементарных удобств, замерзшим и голодным? Да, были, конечно, среди даров и сахар, и шоколад, и оливковое масло... но привезли испанцы с собой еще роскошные шелковые ткани, красивые морские раковины и кораллы, дорогие музыкальные инструменты и ... мелодию Фанданго. И тут появляется на трибуне статистик Ершов. Грин, как известно, не любил в своих произведениях ходовых фамилий, но здесь появляется именно Ершов, а не кто другой. «Я ломаю шкаф, чтобы немного согреть свою конуру... – кричит он. – Жена умерла. Дети заиндевели от грязи. Они ревут. Масла мало, мяса нет – вой! А вы мне говорите, что я должен получить раковину из океана и глазеть на испанские вышивки! Я в океан ваш плюю! Я из розы папироску сверну! Я вашим шелком законопачу оконные рамы! Я гитару продам, сапоги куплю!..» «Безумный! – отвечает ему испанец Бам-Гран. – Безумный! Так будет тебе то, чем взорвано твое сердце: дрова и картофель, масло и мясо, белье и жена, но более – ничего! Дело сделано. Оскорбление нанесено, и мы уходим, кабалеро Ершов, в страну, где вы не будете никогда!»

Рассказ Грина опубликован в 1927 г., и нетрудно понять, что пророчество Бам-Грана сбылось не полностью, ибо нет у нас пока ни масла, ни мяса. Но вот что касается «более – ничего», то тут гриновский герой оказался прав, «более – ничего» действительно нет. Иными словами, в символическую страну Бам-Грана мы пока так и не попали, и в печати все чаще звучит осознание того, что живем мы сейчас в условиях дефицита духовности и интеллигентности. Не хватает не только мяса и колбасы, не только сыра, бритвенных лезвий и колготок... не хватает и интеллигентных людей. А откуда им взяться, если на протяжении многих десятков лет выдвигались на первый план прежде всего материальные интересы, если во имя якобы этих интересов разрушались памятники духовной культуры и не только попиралось достоинство личности, но и физически уничтожались массы людей. Невольно вспоминается замечание Ф. М. Достоевского: «Там, где образование начиналось с техники... никогда не появлялось Аристотелей. Напротив, замечалось необычайное суживание и скудость мысли. Там же, где начиналось с Аристотеля ... тотчас же дело сопровождалось великими техническими открытиями... и расширением человеческой мысли...» [1, с. 312].

Надо прямо сказать: в нашей отечественной истории интеллигенции не везло. Интеллигентов перевоспитывали, интеллигентов уничтожали, им, наконец, нашли в

этой самой истории сомнительное место прослойки, прослойки, которую жмут со всех сторон, как это с прослойкой и следует делать. И даже русский язык, будучи, как и любой язык, самой глубокой памятью культуры, зафиксировал на уровне клише знакомое каждому словосочетание «гнилой интеллигент». Следует ли тогда удивляться, что мы сталкиваемся теперь с дефицитом духовности и интеллигентности?

Правда, сейчас мы видим, как эти самые «гнилые» интеллигенты встают из могил и неудержимо вторгаются в нашу жизнь. Они входят в нее с триумфом, как победители, доказывая воочию, что ни штык, ни огонь, ни тюрьмы и лагеря, ни цензурные рогатки не способны остановить движение Культуры. Победили затравленные Булгаков и Ахматова, Платонов и Гроссман, победили расстрелянный Гумилев и погибшие в лагерях Мандельштам, Флоренский и Шпет, победили Бердяев, Вл. Соловьев и многие, многие другие. Кого мы только ни запрещали, кого ни печатали с купюрами! Даже Достоевского, даже Герцена, даже Льва Толстого, даже Вернадского! А сколько могил рассеяно по чужой земле! Маленькие, ничтожные люди пытались остановить развитие Духа, перегородив дорогу колючей проволокой. Кое в чем они преуспели. Теперь у нас нет недостатка в тех, кто победно встает из могил, но мы остро чувствуем дефицит живых. И здесь нам не помогут ни хозрасчет, ни кооперативное движение. Речь должна идти, как нам представляется, о коренном изменении ориентации всего общества. Огромная роль принадлежит здесь, разумеется, системе образования, огромная, но отнюдь не исключительная, ибо любая школа – это прежде всего лишь средство трансляции тех представлений, которые уже сложились в культуре. Ломать надо именно эти представления.

Зачем нам нужен Парменид?

Но прежде всего надо ответить на вопрос, который не так уж и прост, как это может показаться: кто же он такой, этот так называемый гнилой интеллигент и чем обусловлена его такая устойчивость, его победное шествие, его почти бессмертие? Какова его роль и место и почему мы вдруг так остро стали ощущать дефицит этой самой, извините, «гнилой» интеллигенции?

Но хватит злословия! Ответ на поставленный вопрос хочется начать с одного небольшого эпизода из преподавательской жизни автора.

Аспиранта-физика, сдающего экзамен по философии, просят назвать какого-либо представителя древнегреческой философии. «Много их!» – неопределенно произносит сдающий. «Ну, назовите кого-либо из Элейской школы». «Пирамидон,» – говорит аспирант после некоторого колебания. «Парменид!» – улыбаясь, поправляет экзаменатор. «Да какая разница! – сдающий явно переходит в атаку. – Зачем все это! Парменид, Пирамидон... Что изменится, если я буду это знать?» А действительно, что изменится? Нужно ли знать и помнить этого древнего грека, образ которого, казалось бы, уже давно должна смыть неумолимая река Времени? А если мы все же требуем этого в наше перегруженное информацией время, то зачем?

Что же мы скажем нашему незадачливому аспиранту? Может быть, попробовать доказать, что знание греческой философии, являясь элементом общей культуры, необходимо в качестве предпосылки для его успешной профессиональной деятельности? В какой-то степени это даже верно. Крупные деятели науки были, как правило, всесторонне образованными людьми. Но не кощунственно ли определять наше отношение к Пармениду соображениями утилитарного характера? Не пойдём ли мы тем самым по пути статистика Ершова? Можно ли так беззастенчиво и

прагматически рационализировать отношение к прошлому, к нашим предкам, на плечах которых стоит всей тяжестью современная культура? Не определяем же мы столь утилитарно отношение к своей матери! Бывают, конечно, и такие случаи, но это уже некоторая разновидность уродства.

«Представьте себе, – сказал я упомянутому выше аспиранту уже после экзамена, – представьте, что у вас много однотипных фотографий вашей покойной матери, у вас даже есть негатив, позволяющий увеличить количество таких фотографий. Могли бы вы разорвать одну из них и выбросить?» «Зачем же?! Я не сумасшедший!» – «Но таким же должно быть и отношение к Пармениду». Мысль сводилась к следующему. Во-первых, не все можно обосновать рационально и, в частности, любое прагматическое обоснование в духе статистика Ершова в конечном счете просто постулирует потребительство; во-вторых, не Парменид существует для нас, а мы для него, ибо мы должны быть продолжением его жизни и, выполняя этот долг перед ним, долг памяти, только и становимся людьми.

Интеллигентность и культура

И тут мы подходим к самому главному. Интеллигентность – это прежде всего отношение к Культуре. Она определяется в первую очередь не уровнем образования, не родом работы, не характером профессиональной подготовки, а ценностными ориентациями личности. Перефразируя известную формулу этики Швейцера, можно сказать, что интеллигентность – это благоговение перед Культурой, т. е. перед тем огромным опытом, который накопило человечество, включая искусство, науку и технику, традиции обыденной жизни, трудовые навыки, язык и многое, многое другое. Речь идет о всемирной истории людей, взятой в плане ее духовной составляющей, т. е. как опыт, как нечто, несущее смысл. Интеллигентен тот, для кого социокультурный опыт – это абсолютная ценность, и он ставит своей задачей сохранение и преумножение этого опыта, что предполагает, разумеется, его постоянное осмысление.

Интеллигентность не следует смешивать с образованностью. Мы не хотим сказать, что интеллигент может быть неучем, но важно подчеркнуть, что дело не в знаниях, а в отношении к ним. Образованность – это владение знаниями, владение информацией, но интеллигентность – это не владение, а служение; интеллигент не владелец, а преданный сын. Мы любим повторять, что искусство принадлежит народу, не замечая, что формула эта насквозь пропитана идеей потребительства. Ровный и монотонный шум сотен тысяч шаркающих шагов в роскошных залах наших музеев и картинных галерей еще не приближает нас к интеллигентности. Само слово «принадлежит» этому противоречит. Искусство не принадлежит художнику. Скорей наоборот: подлинный художник целиком принадлежит искусству и служит ему. В такой же степени и интеллигентность – это служение Культуре.

Значит ли это, что интеллигент – это человек, занятый в сфере духовного производства, что интеллигентность связана с разделением труда? Мы полагаем, что нет, но на этом стоит остановиться, ибо здесь мы подходим к самому важному пункту наших рассуждений.

Культура – это не только искусство и наука, не только картинные галереи, библиотеки и памятники архитектуры – это все то, что нас окружает, весь мир социальных образцов, образцов поведения и деятельности, в рамках которого мы живем и который на каждом шагу эту жизнь определяет. Уже в «Поучении Мерикара», памятнике египетской письменности, который относят к XXII или даже

XXIII веку до нашей эры, сказано: «Подражай отцам своим и предкам своим...» [Цит. по: 2, с. 34]. Поучение мудрое, но у нас в принципе и нет другого пути. Подражая отцам своим и предкам своим, мы в детстве осваиваем язык и овладеваем миром окружающих нас вещей, получаем элементарные производственные навыки и навыки общежития, включаемся в детские игры и в «игры» взрослых людей. Даже прямохождение, вероятно, связано не только с нашими биологическими возможностями, но и с культурными образцами. «Не следует, однако, думать, – писал еще Вовенарг, – что самобытность исключает подражание. Я не знаю ни одного великого человека, который не следовал бы образцам. Руссо подражал Маро, Корнель – Лукану и Сенеке, Боссюэ – пророкам, Расин – грекам и Вергилию» [3, с. 29].

А теперь нам необходимо сделать всего один маленький шаг и понять, что отцы наши и предки наши – это и мы сами по отношению к тем, кто придет после нас. А это значит, что хотим мы этого или нет, но каждый из нас потенциально хранитель и творец Культуры, он ее как-то воспроизводит, она живет или умирает благодаря ему, и он за нее ответствен. Другое дело – как он это свое предназначение выполняет. Важно понять, что любой наш шаг, любой поступок, любое произнесенное слово, с одной стороны, воспроизводит, а с другой – задает социокультурные образцы, представляя собой акт жизни Культуры. Все, что делается, делается так или иначе в контексте существующих образцов, а все, что сделано, высказано, записано, стало прошлым, входит в свою очередь в универсум Культуры, приобретает функции образца и определяет в той или иной степени дальнейшую жизнь людей. Интеллигентен тот, кто понимает это и осознает свою ответственность.

Очевидно, что это не связано с разделением труда, с обязательной принадлежностью к элите художников, писателей или ученых. Каждая прожитая жизнь, т. е. цепь поступков, решений и заблуждений, становится достоянием культуры и представляет социокультурную ценность. «Я охотно удержал бы некоторых друзей от писания драм или эпопей, – писал А. Франс, – но никогда не стал бы удерживать того, кто задумал бы диктовать свои воспоминания, даже если бы то была моя кухарка бретонка, которая умеет читать только свой молитвенник и твердо верит, что мой дом по ночам посещает душа башмачника и просит, чтобы молились за нее. Интересная получилась бы книга, если бы одно из этих бедных невежественных созданий способно было раскрыть свою душу и свое понимание мира со своей той глубокой наивностью, которая поднимается до высот поэзии». Чуть позже он продолжает: «Я не думаю, что только люди исключительные имеют право рассказывать о себе. Напротив, я полагаю, что очень интересно, когда это делают простые смертные» [4, с. 25–26].

Но чем же тогда интеллигент отличается от этих «простых смертных» и в чем содержание его ответственности, если любая прожитая жизнь представляет собой социокультурную ценность, независимо от того, как она прожита? Дело в том – и это ключ к ответу, – что Культура нуждается не только в позитивных образцах, но и в образцах-запретах; в прошлом нам важно все, включая и ошибки, и преступления. В прошлом, но не в настоящем. В прошлом они важны как предупреждения, важны, чтобы их не повторять. Вот тут мы и оказываемся ответственными перед Культурой, ответственными за то, чтобы понять смысл прошлого, постигнуть его уроки, следовать его наставлениям. Любой наш поступок свидетельствует о степени нашего понимания. История – это драма, которая нуждается в интерпретации не в меньшей, а в большей степени, чем «Гамлет» Шекспира, если вы хотите осуществить еще одну его постановку. И события истории, и биографии людей – это «метафоры», приз-

ванные определять нашу сегодняшнюю жизнь. И сталинизм – это уже «метафора», и как таковая, как жестокий урок истории не должна быть забыта ни в коем случае, ибо забыть – значит повторить.

Итак, интеллигентность – это ответственность перед Культурой в плане воспроизведения ее позитивных образцов, позитивного опыта, осознание того, что самим фактом своих поступков мы даем интерпретацию «метафор» прошлого. И это касается всех сторон нашей жизни, включая чисто бытовые и тривиальные акции.

Однажды автор гулял по парку с одним очень солидным и образованным человеком, который неожиданно, вынув изо рта сигарету, небрежно и, вероятно, машинально бросил ее на газон. Прочитав удивление в моих глазах, он спохватился и сказал: «Все равно все бросают!» Газон красноречиво свидетельствовал о том, что он прав, но я, страшно сказать, вдруг усомнился в том, что он интеллигентный человек. Ведь газоны свидетельствовали не только о том, что все бросают, – они не менее красноречиво показывали, к чему это приводит. Увы, но мы довольно часто не понимаем даже таких тривиально простых уроков нашей истории.

Хочется привести еще один пример, иллюстрирующий сказанное. Несколько лет тому назад группа работников искусства отправилась в качестве экскурсантов на завод художественной керамики. Гости осмотрели и обсудили все со знанием дела и захотели что-нибудь купить. Но им объяснили, что купить ничего нельзя. И тут, уже за воротами завода, появился некий дядя, который, ныряя в специально проделанный лаз, стал выносить за пятерку то чайничек, то кувшинчик. Продолжалось это недолго: доброго дядю, видимо, кто-то спугнул. И тут оказалось, что одна почтенная дама держит кувшинчик, хотя заплатить не успела, а другая заплатила, но осталась с пустыми руками. «Это мой кувшинчик!» – сказала заплатившая дама. «Нет, мой! Я заплачу!» – сказала дама с кувшинчиком. Разгорелся спор: солидная дама кувшинчик отдавать не хотела, заплатившая дама не хотела брать деньги. Все сели в автобус, а по дороге во время одной из остановок обнаружилось, что кто-то рылся в сумке солидной дамы и экспроприировал кувшинчик. Ответственность за акцию взял на себя седовласый мужчина, заявив, что действовал во имя справедливости. Скандал разразился страшный. Один из участников событий спросил меня, кто, по моему мнению, прав, а кто виноват. Очевидно, однако, что виноваты были все участники, ибо они не сумели подняться над ситуацией и воспроизвели типично мещанские образцы поведения. Интеллигентностью здесь и не пахло, ибо в противном случае всей истории просто не было бы с самого начала.

Явление рефлексивной симметрии

Введем теперь понятие о рефлексивной симметрии. Начнем с примера. Известный художник Рокуэлл Кент отправляется на утлом суденышке в плавание по Магелланову проливу с целью написать книгу о своем путешествии [См.: 5]. В попугачики он берет моряка Вилли, пьяницу и авантюриста, которому просто все равно, куда плыть. И вот представьте себе теперь этих двух столь разных людей среди скал Магелланова пролива. Они делают, казалось бы, одно и то же: возятся с парусами, мокнут под дождем, сидят у костра на неприятном берегу Огненной Земли... Но живут они точно в разных мирах, ибо Р. Кент в отличие от своего попугачика пишет книгу. Правда, пишет он ее пока только в своей голове, но это не имеет значения.

Вдумайтесь в это: одна и та же объективная ситуация, одни и те же действия, даже один и тот же непосредственный результат, но миры разные, ибо различны конечные

ценностные установки и различно поэтому все осмысление событий. Такого рода акты деятельности, которые совпадают по своему конкретному материалу, но отличаются в сфере ценностного осмысления, мы и будем называть рефлексивно симметричными [См.: 6].

Рефлексивная симметрия – явление очень общее, и его детальный анализ далеко увел бы нас от обсуждаемой темы. Но несколько слов надо сказать именно для того, чтобы посмотреть затем и на интеллигентность с этой более общей точки зрения. Представьте себе химика, который, осуществив химическую реакцию, получает новое вещество. Что перед нами – производственный акт или научный эксперимент? Очевидно, что все зависит от целевых установок: одно дело, если цель – полученное вещество, другое – если знание о способах его получения. Вообще производственная и познавательная деятельность рефлексивно симметричны на первых этапах своего формирования – вплоть до развитого разделения труда, которое эту симметрию нарушает.

Но вернемся к эксперименту. Ситуация на самом деле сложнее, чем мы это представили. Вот что пишут по этому поводу известные социологи науки Гилберт и Малкей: «Является ли... данный комплекс действий экспериментом, попыткой косвенным образом добиться увеличения ассигнований на исследования или поддержать профессиональную репутацию, заполучить большее число сотрудников, а может быть, имеет место несколько мотивов или все они сразу в зависимости от контекста, в котором действующее лицо говорит или пишет о своих действиях? Если действительности соответствует второй вариант – а мы утверждаем, что так оно обычно и бывает, – то “подлинное значение” рассматриваемых явлений вариабельно и зависит от контекста» [7, с. 21].

Иными словами, в зависимости от контекста все можно представить в виде целого ряда попарно симметричных актов. Но интересно следующее: «Присутствие при оригинальном лабораторном эксперименте и непосредственное наблюдение за ним, – продолжают авторы, – вовсе еще не гарантия безоговорочно точной характеристики данного действия» [Там же, с. 21]. Это означает, что рефлексивная симметрия открывает широкие возможности имитации научной деятельности, когда последняя подменяется достижением, например, карьерных или аналогичных целей, далеких от науки, что приводит к разложению научного сообщества [См.: 8].

Мир статистика Ершова и мир Бам-Грана – это тоже рефлексивно симметричные миры. В каждом из них люди вынуждены есть и пить, одеваться и отапливать жилище. В рамках одной и той же ситуации они будут столь же похожи, как Р. Кент и его попутчик. И все же это очень разные миры, ибо в одном люди воспроизводят свое физическое существование, а в другом пишут об этом книгу. Последнее следует, разумеется, понимать не в буквальном, а в метафорическом смысле, ибо любые наши акции – это своеобразный текст, который читают другие люди. Но хотя текст в данном случае – это метафора, именно аналогия с художником позволяет глубже осознать суть интеллигентности. Э. Золя писал: «Если вы спросите меня, зачем я, художник, пришел в этот мир, я отвечу вам: «Я пришел, чтобы прожить свою жизнь во всеуслышание» [9, с. 21]. Именно во всеуслышание, но не ради позы, не ради демонстрации себя, а просто потому, что интеллигентному человеку в принципе нечего скрывать, нечего, ибо он пришел в этот мир, чтобы, выражаясь словами Некрасова, сеять «разумное, доброе, вечное».

Но могут спросить: а где критерий этой разумности и вечности? Где критерий добра? Кто и на каком основании может претендовать здесь на роль судьи? Ответ

может быть только один: нет ни критериев, ни суда, если не считать суд истории, есть только искания. «Религиозность, – писал Т. Манн, явно понимая под религиозностью духовность, – это *вдумчивость и послушание*; вдумчивое внимание к внутренним изменениям, которые претерпевает мир, к изменчивой картине представлений об истине и справедливости; послушание, которое немедля приспособливает жизнь и действительность к этим изменениям, к этим новым представлениям и следует таким образом велениям разума» [10, с. 189]. Нам представляется, что охарактеризованные так вдумчивость и послушание как раз и выражают суть интеллигентности.

Несколько слов в защиту личности

А теперь вернемся на землю с теоретических высот. Интеллигентность с изложенной точки зрения – это вовсе не характеристика какой-то социальной прослойки, это характеристика ценностных ориентации личности. Беда, однако, в том, что обращать внимание на такое явление, как личность, никогда не было в традициях нашего отечественного марксизма. Где уж разглядеть в дыму и грохоте классовых боев неповторимое своеобразие отдельного человека, его несоответствие всем общепринятым шаблонам, его способность подняться в своем мышлении выше исторических коллизий.

«...Человеческой личности уже нет на свете... – писал В. В. Воровский в 1906 г., – она давно разменялась на личности предпринимателя и рабочего, земледельца и батрака, торговца и крестьянина, интеллигента и полицейского. “Идея” человеческой личности воплотилась в реальные очертания общественных классов, и каждый из этих классов по-своему понимает задачи личности, по-своему отстаивает ее интересы, по-своему стремится обеспечить ее будущее» [11, с. 366].

Итак, личность исчезла, ее уже нет на свете, есть только персонификация социальных ролей в системе производства и распределения. Но при такой абстракции у людей естественно остаются только материальные интересы, а интеллигентность исчезает, ибо ее просто не может быть. Не может быть и многого другого: свободы личности, уважения к личности, неприкосновенности личности... Все эти понятия «не работают» применительно к социальным ролям. Увы, но установка, так четко осознанная Воровским более восьмидесяти лет тому назад, в той или иной форме довлеет над нами до сих пор. Довлеет, если не теоретически, то практически. Она пронизывает все стороны нашей жизни, ибо мы до сих пор не научились уважать личность, а главное – ценить ее.

А теперь вдумайтесь в один эпизод из автобиографии А. Грина, и пусть этот мудрый и отнюдь не детский писатель послужит нам еще раз.

Ученик городского училища разговаривает на уроке. «Гринеvский! – говорит ему преподаватель Терпугов. – Помяни мое слово, что не миновать тебе скамьи подсудимых!» Дальнейшее Грин описывает следующим образом: «Разговаривая с соседом, я в то же время ел принесенного на завтрак рябчика. Я встал и запустил рябчика в Терпугова. Рябчик шлепнулся о виц-мундир и упал на пол». И что же дальше? А дальше инспектор училища и другие признают правоту ученика и неправоту учителя! Можете вы представить что-либо подобное в нашей советской школе? Если нет, то это значит, что в училище времен А. Грина существовала личность ученика, а теперь ее не признают. А если личность не признают, то выжить ей трудно.

А потом еще одна деталь в рамках того же эпизода: Гринеvский воспринимает слова Терпугова как крайнее оскорбление, иначе он не запустил бы рябчиком. Грин пишет: «Весь дрожа, со слезами обиды и гнева, я, выйдя, немедленно направился

домой и рассказал отцу, что случилось». Да и отец реагирует весьма странно: «Первый раз произошло, что отец меня не бранил...» Нет, странное было время, странное, ибо произойди все сейчас, так ученик бы не оскорбился, а если бы оскорбился, то отец бы не понял. Уж слишком много, вероятно, нас унижали и оскорбляли, так много, что и чувствительность притупилась, и чувство собственного достоинства уже не срабатывает. А. П. Чехов, описывая свое путешествие на Сахалин, пишет, что некоторых каторжников так часто секли, что они уже перестали это воспринимать как наказание. О какой же тут можно говорить личности!

Где начинается наша биография?

А теперь отойдем от проблем глобальных и остановимся на некоторых особенностях сферы образования. Способствует ли наше образование формированию интеллигентности? Приведу два эпизода из собственной вузовской практики. После одной из лекций ко мне подходит студентка и спрашивает: «Вот вы сказали, что появление колеса было величайшим достижением в истории человечества. Но какое же это достижение? Прутик случайно согнул – вот тебе и колесо!» Второй эпизод аналогичен: «Вот вы на лекции упомянули об изобретении лейденской банки, – говорит студент-физик, – да сейчас за один год делают тысячу таких изобретений!» Оба вопроса похожи друг на друга и оба свидетельствуют о полном отсутствии исторического восприятия культуры. А это не безопасно. Это не формирует уважения к ученым далекого прошлого, которые мужественно протаптывали первые тропинки науки. «А что, собственно, сделал Менделеев? – сказал мне один аспирант. – Это же тривиально!» Что кроется за такого рода репликами или вопросами? А то, что человек не идентифицирует себя с историей культуры, с историей человечества, он сам по себе, а история сама по себе. Копаясь в своей собственной биографии, он, вероятно, понимает, как трудно ему было когда-то правильно зашнуровать ботинки, но детство человечества – это не его детство.

Совсем не так ощущал себя Л. Толстой: «Спрашивая себя о происхождении своего разумного сознания, человек никогда не представляет себе, чтобы он, как разумное существо, был сын своего отца, матери и внук своих дедов и бабок, родившихся в таком-то году, а он сознает себя всегда не то что сыном, но слитым воедино с сознанием самых чуждых ему по времени и месту разумных существ, живших иногда за тысячи лет и на другом конце света. В разумном сознании своем человек не видит даже никакого происхождения себя, а сознает свое вневременное и внепространственное слияние с другими разумными сознаниями...» [12, с. 38].

Нам представляется это крайне важным. Суть интеллигентности как раз в том и заключается, что человек идентифицирует себя с Культурой, видя в себе ее продолжение, точнее, понимая себя как средство, с помощью которого эта Культура может продолжать жить. Поэтому если в мире статистика Ершова есть конкретные даты рождения и смерти, то в рефлексивно симметричном ему мире Бам-Грана все мы начинали с первобытных костров и кремневых ножей и прошли многотысячный путь страданий, поисков и горьких заблуждений. Именно мы, каждый из нас, а не какой-то там очень чужой нам и такой «глупый» Менделеев.

Мир Бам-Грана – это мир социального бессмертия человека. Интеллигенты вставали и будут вставать из могил, ибо нельзя победить Культуру, которой они служили. Ромен Роллан в своих воспоминаниях пишет, что у него было три откровения в жизни и одно из них связано со сценой в «Войне и мире» Л. Толстого, где Пьер, захваченный в плен французами, неожиданно хохочет и повторяет: «В плену

держат меня. Кого меня? Меня? Меня – мою бессмертную душу?..» [13, с. 38]. А теперь спросим себя, мог ли человек с таким сознанием своей бессмертной души вступить в описанный выше спор за обладание откровенно украденным фаянсовым кувшинчиком? Но как научить людей вернуться в этот мир Бам-Грана, если ими просто завладел статистик Ершов? Единственный путь – рефлексивное переключение: оно подобно пятому измерению, ибо в рамках известных четырех пути в мир Бам-Грана не существует.

Автору запомнился один доклад на симпозиуме, посвященном Ньютону. Докладчик, известный математик, с увлечением и прекрасным знанием фактической стороны дела рассказывал о склочной борьбе Ньютона и Лейбница за приоритет. Это производило неприятное впечатление, ибо героями были уже не две дамы, поссорившиеся из-за кувшинчика, а два несомненно великих человека, прочно вошедших в мировую Культуру. Доклад вызывал какой-то смутный протест, но трудно было понять, почему. Правда есть правда! Не хотим же мы подкрашивать и подправлять прошлое, создавая слащавые и лживые мифы. Но позднее оказалось, что доклад вызвал протест не только у автора, но и у целого ряда других людей. Все они говорили, что так нельзя относиться к истории. А как же надо?

Суть, вероятно, в том, что автор рассказывал не о себе, не о своих горьких ошибках, не о своем собственном падении... Иными словами, он сам не испытывал того, что чувствовали некоторые из его слушателей. Скорее, он был даже доволен, что ему удалось спустить самого Ньютона до уровня современных мелких академических интриг. По сути, это то же самое, что и приведенная выше реплика о Менделееве.

Нам представляется, что в сфере науки и образования тоже сбывается пророчество Бам-Грана. Прозвучать оно могло бы примерно так: будут вам приборы и информация, ускорители и математические методы, но ничего больше. Правда, и здесь не все предвидел Бам-Гран, ибо нет у нас ни приборов, ни вычислительной техники, но вот что касается «ничего больше»... А человеку, чтобы быть человеком, нужны не только знания и методы – ему нужны другие люди, которые за этим стоят, их поиски и чаяния, успехи и заблуждения. Человек должен знать свою Биографию, свою Историю, он должен ее прочувствовать и ею переболеть. Именно такая прочувствованная и выстраданная История и делает человека интеллигентным. Точнее, не делает, а может сделать при прочих благоприятных условиях. Но, увы, именно исторический, культурно-исторический компонент образования почти полностью отсутствует в наших вузах. И здесь побеждает эта вездесущая фигура – статистик Ершов.

Библиографический список

1. *Литературное наследие*. Неизданный Достоевский. М.: Наука, 1971.
2. *Коростовцев М. А.* Религия древнего Египта. М.: Наука, 1976.
3. *Вовенарг.* Размышления и максимы. Л.: Наука, 1988.
4. *Франс А.* Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1960. Т. 8.
5. *Кент Р.* Плавание к югу от Магелланова пролива. М.: Мысль, 1977.
6. *Розов М. А.* Проблема ценностей и развитие науки // Наука и ценности. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1987.
7. *Гилберт Дж., Малкей М.* Открывая ящик Пандоры. М.: Прогресс, 1987.
8. *Розов М. А.* Философия без сообщества? // *Вопр. филос.* 1988. № 8.
9. *Золя Э.* Собр. соч.: В 26 т. М.: Худож. лит., 1966. Т. 24.
10. *Манн Т.* Собр. соч.: В 10 т. М.: Худож. лит., 1960. Т. 9.

11. *Воровский В. В.* Соч. М.: Госиздат, 1933. Т. 1.
12. *Толстой Л. Н.* О жизни // Собр. соч.: В 22 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 17.
13. *Роллан Р.* Воспоминания. М.: Худож. лит., 1966.

Вопросы для понимания

1. Каково содержание пророчества испанца Бам-Грана статистику Ершову в рассказе А. Грина «Фанданго»?
2. С чем связан дефицит интеллигентности и духовности, переживаемый нашей страной в 80–90-е гг. XX века?
3. Зачем современному молодому человеку нужно помнить древнегреческого философа Парменида? Является ли знание греческой философии необходимой предпосылкой его успешной профессиональной деятельности?
4. Согласны ли Вы с утверждением, что кощунственно определять наше отношение к Пармениду соображениями утилитарного характера?
5. Как понять утверждение, что только выполняя долг памяти по отношению к нашим предкам, мы и становимся людьми?
6. Как именно определяется интеллигентность в этой статье? Близко ли и понятно ли Вам это определение?
7. В чем разница между интеллигентностью и образованностью?
8. Какое содержание вкладывается в этой статье в понятие Культура»?
9. Как понять тезис, что каждый из нас потенциально хранитель и творец Культуры? Что каждая прожитая жизнь является социокультурной ценностью?
10. В чем именно состоит наша ответственность перед Культурой? Что значит «понять смысл прошлого, постигнуть его уроки, следовать его наставлениям»?
11. Как понять, что самим фактом своих поступков мы даем интерпретацию метафор Прошлого? Что любой наш поступок свидетельствует о степени нашего понимания?
12. Как понять утверждение, что мир статистика Ершова и мир Бам-Грана – это рефлексивно симметричные миры?
13. Как следует охарактеризовать вдумчивость и послушание, чтобы выразить суть интеллигентности?
14. Как связаны интеллигентность человека и его личность?
15. Что значит идентифицировать себя с Культурой? Где начинается Ваша биография: с момента Вашего рождения или – с первобытных костров?